

А.В. Семёнова

**«РОССИЯДА» М.М. ХЕРАСКОВА
КАК ОДИН ИЗ ИСТОЧНИКОВ ОПЕРЫ
Г.Р. ДЕРЖАВИНА «ГРОЗНЫЙ,
ИЛИ ПОКОРЕНИЕ КАЗАНИ»**

Аннотация

В статье предпринята попытка доказать, что Г.Р. Державин, создавая оперу «Грозный, или Покорение Казани», обращался к поэме «Россияда» М.М. Хераскова как к источнику мотивов, образов, элементов сюжета.

Ключевые слова: М.М. Херасков, Г.Р. Державин, «Россияда», «Грозный, или Покорение Казани», Иван IV.

Semionova A.V. «Rossiyada» by M.M. Kheraskov as one of the sources of the G.R. Derzhavin's opera «Grozny, or the conquest of Kazan»

Summary. This article attempts to show that G.R. Derzhavin, creating the opera «Grozny, or the conquest of Kazan», referred to «Rossiyada» by M.M. Kheraskov as a source of motives, characters, elements of the plot.

Опера Г.Р. Державина «Грозный, или Покорение Казани» (1814) и поэма М.М. Хераскова «Россияда» (1779) рассказывают об одном и том же историческом событии – присоединении Казанского ханства к Московскому государству Иваном IV. В предисловиях к произведениям оба автора отмечают, что опирались на исторические источники и предания, допуская, однако, неточности и многое домысливая¹. Если выбор одного и того же предмета предполагает сходство сюжетов, то аналогичные вымыслы, вероятно, являются следствием влияния предшествующего произведения на последующее. Опора на общие источники, среди которых «Казанская история», а также античные и европейские эпи-

ческие поэмы (прежде всего «Освобожденный Иерусалим» Т. Тассо)² отчасти объясняет параллели, и все же некоторые совпадения представляются неслучайными. Вероятно, Державин обращался к «Россияде» Хераскова как к источнику мотивов, образов, элементов сюжета.

В произведениях Хераскова и Державина действуют схожие персонажи, с которыми связан ряд вымыслов. Так, центром сложного любовного конфликта, не имевшего места в действительности, оказывается казанская царица Сумбека. У Державина, как и у Хераскова, она предстает не столько политиком, сколько женщиной – любящей, ревнивой, коварной и мстительной. Сумбека в поэме Хераскова напоминает одновременно Дидону, Медею и Армиду. Державин сравнительно точно воссоздает этот образ в опере. Сумбека желает стать женой Османа и разделить с ним трон, но любовник неверен ей. Осман очарован юной Эмирой. Любовь и ревность ослепляют казанскую царицу, она думает не столько о благе государства и грядущей войне, сколько об Османе.

Этот сюжет, во многом додуманый Херасковым, все же основан на реальных событиях. Прототипом Османа был крымский вельможа Кошак, который являлся любовником ханши Сююнбеки, вдовы казанского правителя Сафа-Гирея. В «Казанской истории» есть упоминание о том, что Кошак планировал убить маленького Утемиша, жениться на Сююнбеке и занять казанский трон. Однако крымская партия в Казани, возглавляемая Кошаком, потерпела поражение. Он бежал из города, но был захвачен в плен русским отрядом, доставлен в Москву и казнен. Согласно «Казанской истории», притязания Кошака на престол и руку царицы были небезосновательны: «...царевич Кошак, человек величавый и свирепый, удостоенный царем самого высокого сана среди казанских вельмож за то, что показал себя в боях мужественным воеводой...»³. В поэме Хераскова герой представлен иначе. Осман слаб и малодушен, лукав, легко поддается чужому влиянию. Он любовник, но не воин. Неприглядная смерть Османа в поэме – наказание за обман, коварство и жажду власти. Державин в опере иначе обыгрывает этот сюжет, но все же частично следует за поэмой Хераскова. Так, Державин заимствует из «Россияды» само имя Осман, причем вводит вымышленную героиню Эмиру и заостряет конфликт, формируя любовный треугольник Сумбека–Осман–Эмира. Однако

Осман в опере Державина не столь слаб и коварен, как персонаж в поэме Хераскова, хотя и в опере он в большей степени герой-любовник, нежели воин и политик, каковым, согласно источнику, являлся Кошак. Кроме того, Осман просит поддержки у царя Ивана и переходит на сторону русских (а не погибает, как Осман в «Россияде» и его прототип крымский хан Кошак).

Любовь Алея к Сумбеке в рассматриваемых произведениях – преувеличение. В поэме после покорения Казани Алея просит у Иоанна в награду лишь руку Сумбеки. В опере Шигалей уговаривает царя простить Сумбеку и восстановить брак. Согласно «Казанской истории», все было несколько иначе. Шигалей не простил Сююмбеке предательства, однако был вынужден жениться на ней по настоянию Ивана IV еще до похода на Казань в 1552 г. Автор «Казанской истории» утверждает, что Шигалей запер жену в отдаленной комнате и не жил с ней, несмотря на ее красоту⁴. Так ли это было, установить едва ли возможно, но в данном случае Херасков противоречит одному из своих источников, и Державин следует за автором поэмы.

Сходство поэмы Хераскова и оперы Державина усиливает общий вымышленный эпизод – волхование Сумбеки в волшебной роще, обращение царицы к духу покойного супруга. Гробницы татарских правителей, в том числе и Сафгирея, в священном лесу под стенами Казани – выдумка. Сафа-Гирей был похоронен в мечети, а зачарованный лес никогда не существовал. Волшебная роща имеет множество прообразов, в том числе у Тассо. Волхование Сумбеки в поэме описывается с явным подражанием ворожке Медеи в «Метаморфозах» Овидия, на что указывает А.И. Любжин⁵. Впрочем, Херасков в данном случае мог сослаться и на исторические источники: летописцы обвиняли татар в чародействе. Например, казанская царевна Горшадна славилась как чародейка. В «Казанской истории» описано призвание бесов казанскими жрецами⁶. Другой вопрос, можно ли упомянутые сведения воспринимать как исторические факты. В опере Державина также появляется волшебная роща, где похоронены Сафа-Гирей и предшествующие ему правители Казани и куда отправляется Сумбека, чтобы призвать дух покойного супруга. Это является точным повторением вымысла Хераскова.

Еще один вымышленный персонаж, заимствованный Державиным у Хераскова, – чародей Нигрин⁷, чей образ восходит к образу Исмена из поэмы Тассо. Нигрин является в Казань, чтобы помочь Сумбеке истребить россиян. Херасков списывает на Нигрина одно из событий, имевших место в действительности. Непогода, застигнувшая русскую армию под стенами Казани, едва не заставила царя отдать приказ об отступлении. Князь Курбский в «Истории о великом князе Московском» совершенно серьезно говорит о чарах, творимых казанцами⁸. Херасков повествует в поэме о тех же событиях, но место неопределенных стариков и женщин, наводящих чары, занимает Нигрин, призвавший Зиму с Кавказских гор⁹. Державин здесь снова следует за Херасковым: Нигрин и Сумбека в опере насылают на русский стан метель и мороз:

*Ясни, ясни, неба свод,
Мерзни, мерзни, русский род,
И метели, рассыпайтесь,
И сугробы, поднимайтесь...* (с. 632)

Чародей Нигрин оказывается ключевым персонажем для реализации «змеиной» темы и в поэме, и в опере. Источником послужило предание о змеином месте, на котором царь Саин основал Казань¹⁰. Истребив змей и построив город там, где располагалось гнездо, царь Саин занял их место. Отсюда возникло представление о змеином роде, к которому принадлежат казанские правители. Державин прямо указывает на это в своем комментарии: «Сафгирей, славный царь казанский, жестокий враг России, по преданию был чародей и ездил на змее» (с. 595). В «Казанской истории» бес, изгнанный силой Христовой, обращается огненным змеем и улетает на запад¹¹. Херасков использовал эту идею в своей поэме, связывая магометанскую Казань с образом змеи или дракона¹². В поэме на пламенном драконе восседает Безбожие в облике Магомета, в крылатых змеев Нигрин обращает Рамиду и рыцарей. Завоевание Казани христианами означало очищение города от скверны, символом чего в поэме является исчезновение змеев. Державин также уподобляет «Змея – адскому демону, всю злобу на Россию изрыгавшему» (с. 582), хотя Змей в опере все-таки один – Зилант, но призывает его Нигрин. Вместе с разорением змеиного гнезда рушится и трон Саина:

*Сафагирея конь крылатый,
 О мой Зилант, любезный друг!
 Стальночешуйные царем российским латы
 Пробиты сквозь твои.
 Ты кровью истекаешь
 И выпускаешь дух!
 <...>
 Гнезда теперь змеина
 Трон рушится Саина (с. 626).*

В поэме Хераскова и опере Державина падение Казани предваряют пророчества: видение Сумбеки и явление таинственного мужа в «Россияде» и предсказание той же Сумбеки и Нигрина московскому царю в «Грозном». В отличие от Хераскова, Державин превращает пророчество в попытку казанцев обмануть Грозного, однако сами предсказания похожи. Отчасти, впрочем, это вновь можно объяснить влиянием общего источника: в «Казанской истории» упомянуто пророчество старшей жены Сафа-Гирея, дочери сибирского хана¹³.

Произведения Хераскова и Державина объединяет еще несколько отступлений от истории. Например, последовательное отождествление Казани с Золотой Ордой. Херасков неоднократно именуется Казань Ордой, а основание города как плацдарма для нападения на русские земли приписывает Батюю¹⁴, что не соответствует действительности. Державин смягчает вымысел, придерживаясь летописных преданий об основании Казани Саином, однако при этом называет последнего сыном Батыя:

*Град сей,
 О ком днесь идет военна пря,
 Построен, ведаем, Саином
 Батюя сыном,
 Чтоб быть с Россией рубежом,
 И прозван для того змеиным он гнездом,
 Что из него удобней нападать,
 И на Россию огонь и меч и смерть бросать (с. 588).*

Казань в опере также соотнесена с Золотой Ордой¹⁵, а кроме того, и Херасков, и Державин упоминают опричников¹⁶, которых в 1552 г. не было¹⁶.

Одновременно сходство и различие поэмы Хераскова и оперы Державина проявляются в образе московского царя. Иоанн в изображении Хераскова предстает сначала неопытным, поддающимся дурному влиянию царедворцев монархом, который по мере развития сюжета мужает и становится мудрее, превращаясь в образцового государя. Херасков намеренно обходит стороной деяния Ивана IV, за которые его прозвали Грозным¹⁷. При этом он допускает анахронизм, поскольку в первой и второй песнях поэмы описывает события 1547–1549 гг., период формирования «Избранной рады», но относит их к 1552 г. Державин, напротив, уже в заглавии называет московского государя Грозным, и в первых действиях мы находим тому объяснение. В диалоге с Шигалеем царь говорит о своих прошлых заблуждениях и заявляет о намерении быть суровым и не прощать предательства бояр. Как и Херасков, Державин отклоняется от истории, но в другую сторону. Рыцарски благородный и милосердный Иоанн Хераскова и непреклонный Грозный Державина – разные ипостаси московского государя. Однако рассказ Грозного о своих «младых нравах» может быть сопоставлен с предложенным Херасковым описанием первого периода царствования Иоанна.

Несмотря на общий предмет и наличие ряда параллелей, «Россияда» и «Грозный, или Покорение Казани» соотносятся с разными политическими событиями. «Россияда», появившаяся в 1779 г., незадолго до формальной ликвидации Крымского ханства и присоединения Крыма к России (1783), прочитывалась в контексте русско-турецких войн царствования Екатерины II¹⁸. Оперу Державина следует рассматривать в контексте Отечественной войны 1812 г. и борьбы с Наполеоном, на что сам автор указал в предисловии: «К нынешним военным обстоятельствам мне показалось оное прилично. Ничего, кажется, нет подобнее кровожадным варварским ордам нынешних Французов; вождя их – волшебнику Нигрину, который более обманом, обаянием и хитростями своими, нежели мужеством хотел устрашить своих противников; Змея – адскому демону, всю злобу на Россию изрыгавшему; Иоанна (кроме грозного его нрава) – великодушному и прибежному к Богу Александру, победившему врагов всей вселенной и утвердившему свободу и блаженство не токмо России, но и всей Европы» (с. 582). Тем не менее в «Грозном» Державин

воспроизводит отдельные мотивы, образы и эпизоды из «Россияды». Отчасти это обусловлено влиянием общих источников, однако Державин заимствует и некоторые вымыслы Хераскова, почти не изменяя их, что дает основания утверждать: «Россияда» является одним из основных литературных источников последней оперы Державина.

-
- ¹ Так, Херасков пишет: «Повествовательное сие творение расположил я на исторической истине, сколько мог сыскать печатных и письменных известий, к моему намерению принадлежащих; присовокупил к тому анекдоты, доставленные мне из Казани бывшим начальником Университетских гимназий в 1770 г. Но да памятуют мои читатели, что как в эпической поэме верности исторической, так в деписаниях поэмы искать не должно. Многое отметал я, переносил из одного времени в другое, изобретал, украшал, творил и создал». – Поэма Хераскова и «Историческое предисловие» цитируются по изд.: *Херасков М.М.* Творения М. Хераскова, вновь исправленные и дополненные. Ч. 1. Россияда, эпическая поэма. – М.: Унив. тип. у Хр. Ридигера и Хр. Клаудия, 1796. – С. XIV. Ср. в предисловии Державина: «Ныне достоинство большой героической оперы есть чудесные вымыслы поэзии, несмотря на невероятность их или несходство с природою, – очарование взора живописью и зодчеством, слуха музыкой и пением, вообще же ума и сердца самыми даже науками, согласно действующими к единой трогательной, нравственной или забавной цели, которую предызбирает себе сочинитель. <...> Содержание ее я взял из казанской истории и тамошнего края татарского баснословия». – Сочинения Державина цитируется по изд.: *Державин Г.Р.* Сочинения... с объяснительными примеч. Я. Грота: В 9 т. – Т. 4: Драматические сочинения. – СПб.: Изд. Имп. Акад. наук, 1867. – С. 581–582.
- ² Об античных и европейских источниках «Россияды» пишет А.И. Любжин. – *Любжин А.И.* Новоевропейский эпос в «Россияде» Хераскова // *Русская литература.* – 2010. – № 1. – С. 3–25; *Любжин А.И.* «Россияда» М.М. Хераскова и античная эпическая традиция // *Colloquia classica et indo-germanica* – IV. – СПб.: Наука, 2008. – С. 415–452 (*Acta linguistica Petropolitana. Труды ИРЛИ РАН.* Т. IV. Ч. 1).
- ³ *Полное собрание русских летописей.* – Т. 19: История о Казанском царстве. – СПб., 1903. – С. 70.
- ⁴ Там же. – С. 182.
- ⁵ *Любжин А.И.* «Россияда» М.М. Хераскова и античная эпическая традиция. Цит. соч.
- ⁶ «И послала Царица самого казанского сеита узнать, Московский ли Царь и Великий Князь одолеет Казань или казанцы одолеют его. И девять дней

- лежали, припав к земле, бесовские иереи, молясь и не поднимаясь со своего места...» – ПСРЛ. – Т. 19: История о Казанском царстве. Цит. соч. – С. 67.
- 7 На это заимствование указывает Я. Грот. См. *Державин Г.Р.* Сочинения... с объяснительными примеч. Я. Грота. Цит. соч. – С. 582.
- 8 «...Я хочу только вкратце вспомнить, как они над христианским войском разные чары творили и великие дожди на него наводили. Как только начинало всходить солнце, их старики или женщины выходили на возвышенное место города так, что нам всем было видно, и кричали различные сатанинские слова, махали одеждами своими на наше войско и неблагочтинно вертелись перед нами. И тогда среди ясной погоды задувал ветер и появлялись облака, и начал лить дождь, да такой, что сухие места обращались в болота и водой наполнялись, причем вокруг нас все было тихо, и только над войском точно из воздуха все это случалось». – *Курбский А.М.* История о великом князе Московском. – СПб., 1913. – С. 54.
- 9 «Уже спасения россияне не чают, / Смущенны на стенах Нигрина примечают, / Который в торжестве с казанцами ходил, / Руками действуя, морозы наводил. / Сие казанское лукавое злодейство / Признали ратники за адское чародейство». – *Херасков М.М.* Цит. соч. – С. 313–314.
- 10 ПСРЛ. – Т. 19: История о Казанском царстве. Цит. соч. – С. 10.
- 11 Там же. – С. 67.
- 12 «Но как Российские Ираклы ни сражались, / Главы у гидры злой всечасно вновь рождались, / И жалы отрастив в глухих местах своих, / Вонзали паки в грудь России те змии. / Драконова глава лежала сокрушенна, / Но древняя злоба в нем была непотупленна». – *Херасков М.М.* Цит. соч. – С. 3.
- 13 ПСРЛ. – Т. 19: История о Казанском царстве. Цит. соч. – С. 66.
- 14 См. *Херасков М.М.* Цит. соч. – С. 3.
- 15 *Державин Г.Р.* Цит. соч. – С. 594.
- 16 Ср. *Державин Г.Р.* Цит. соч. – С. 614; *Херасков М.М.* Цит. соч. – С. 39 и 328.
- 17 В «Историческом предисловии» к «Россияде» Херасков сообщает: «Иностранные писатели, сложившие нелепые басни о его суровости, при всем том по многим знаменитым его делам великим мужем нарицают. Сам Петр Первый за честь поставлял в мудрых предприятиях сему Государю последовать. История затмевает сияние его славы некоторыми ужасными повествованиями, до пылкого нрава его относящимися: верить ли толь несвойственным великому духу повествованиям, оставлю историкам на размышление. Впрочем, безмерные царские строгости, по которым он Грозным поименован, ни до намерения моего, ни до времени, содержавшем в себе целый круг моего сочинения, вовсе не касаются». – *Херасков М.М.* Цит. соч. – С. XII.
- 18 На это указывает А.Н. Соколов. – *Соколов А.Н.* Очерки по истории русской поэмы XVIII и первой половины XIX века. – М., 1955. – С. 146.